

жемъ, что мы ихъ отыскали и у Вихря отбили». Вотъ какъ надо было Ивану-царевичу изъ-подъ земли подыматься, старшіе братья взялись за ремни, рванули ихъ и совсѣмъ оторвали. Иванъ-царевичъ подъ землею и остался. Что дѣлать? Заплакалъ горько и пошелъ назадъ; ходилъ-ходилъ, и по мѣдному царству, и по серебряному, и по золотому—нѣтъ ни души! Приходить въ жемчужное царство — тоже нѣтъ никого. Ну, что одинъ? Скука смертная! Глядь — на огнѣ лежитъ дудочка. Взялъ ее въ руки: «дай», говоритъ, «поиграю отъ скуки». Только свистнулъ—выскакиваютъ хромой да кривой: «что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Бѣсть хочу». Тотчасъ откуда ни возьмись — столъ накрытъ, на столѣ вина и кушанья самыя первыя. Иванъ-царевичъ покушалъ и думаетъ: «теперь отдохнуть-бы не худо». Свистнулъ въ дудочку—явились хромой да кривой: «что угодно, Иванъ царевичъ?» — «Да чтобы постель была готова». Не успѣлъ выговорить, а ужъ постель постлана что ни на есть лучшая. Вотъ онъ легъ, выпался славно, и опять свистнулъ въ дудочку. «Что угодно?» спрашиваютъ его хромой да кривой.—«Такъ стало-быть, все можно?» спрашиваетъ царевичъ: «все можно, Иванъ-царевичъ! Кто въ эту дудочку свистнетъ, мы для того все сдѣлаемъ. Какъ прежде Вихрю служили, такъ тебѣ теперь служить рады; только надобно, чтобъ эта дудочка завсегда при тебѣ была». — «Хорошо же», говоритъ Иванъ-царевичъ; «такъ я хочу сейчасъ очутиться въ моемъ государствѣ!» Только сказалъ, и въ ту-жъ минуту очутился въ своемъ государствѣ посреди базарной площади.

Ходитъ по базару; идетъ на встрѣчу башмачникъ —

такой весельчакъ! Царевичъ спрашиваетъ: «куда, дядя, идешь?» — «Да несу башмаки продавать; я башмачникъ». — «Возьми меня къ себѣ въ подмастерья». — «Развѣ ты умѣешь башмаки шить?» — «Да все, что угодно, умѣю; не то башмаки, и платье сошью». — «Ну, пойдемъ!» Пришли они домой; башмачникъ и говоритъ: «ну-ка, смастери! Вотъ тебѣ товаръ самый первый; посмотрю, какъ ты умѣешь». Иванъ-царевичъ пошелъ въ свою комнатку, вынулъ дудочку, свистнулъ—явились хромой да кривой: «что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Чтобы къ завтраму башмаки были готовы». — «О, это—службишка, не служба!» — «Вотъ и товаръ!» — «Что это за товаръ? дрянъ — и только! Надо за окно выкинуть». На завтра царевичъ просыпается — на столѣ башмаки стоятъ чудесные, самые первые. Всталъ и хозяинъ: «что, молодѣцъ, пошилъ башмаки?» — «Готовы». — «А ну, покажь-ка!» Взглянулъ на башмаки да и ахнулъ: «вотъ такъ мастера добылъ себѣ! Не мастеръ, а—чудо!» Взялъ эти башмаки и понесъ на базаръ продавать. Въ эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Петръ-царевичъ собирался жениться на Еленѣ-Прекрасной, Василій-царевичъ на царицѣ серебрянаго царства, а царицу мѣднаго царства отдавали за боярина. Стали закупать къ тѣмъ свадьбамъ наряды; для Елены-Прекрасной башмаки понадобились. Оказались у нашего башмачника башмаки лучше всѣхъ; привели его во дворецъ. Елена-Прекрасная, какъ глянула: «чтобы это значило?» говоритъ: «только въ подземномъ царствѣ могутъ такіе башмаки дѣлать». Заплатила башмачнику дорого и приказываетъ: «сдѣлай мнѣ безъ мѣрки другую пару башмаковъ, да чтобъ на диво были сшиты, драгоценными ка-

Меньями усажены. И чтобъ къ завтраму поспѣли, а не то—не сдобровать тебѣ!» Взялъ башмачникъ деньги и драгоценныя каменья; идетъ домой—такой пасмурный. «Бѣда!» говоритъ, «что теперь дѣлать? Гдѣ такіе башмаки пошить къ завтраму, да еще безъ мѣрки? Видно, быть мнѣ завтра повѣшену! Дай хоть на-последки погуляю съ друзьями!» Зашелъ въ погребокъ; друзговъ-то у него много было; вотъ они и спрашиваютъ: «что ты, братъ, пасмурень?»—«Ахъ, други любезные, вѣдь завтра повѣсятъ меня! Право слово!»—«За что же-бы такъ?» Башмачникъ рассказалъ свое горе: «гдѣ ужъ тутъ о работѣ думать? Лучше погуляемъ на-последяхъ». Вотъ пили-пили, гуляли-гуляли, башмачникъ ужъ качается. «Ну», говоритъ, «уготованъ! Да вотъ и еще возьму домой вина боченокъ; какъ только завтра придутъ меня вѣшать, сейчасъ полбоченка выдую; пускай ужъ безъ памяти меня вѣшаютъ». Приходитъ демой: «ну, окаанный», говоритъ Ивану-царевичу, «вотъ что твои башмаки надѣлали... такъ и такъ... поутру, какъ придутъ за мной, сейчасъ меня разбуди». Ночью Иванъ-царевичъ вынулъ дудочку, свистнулъ — явились хромой да кривой. «Что угодно, Иванъ-царевичъ?» — «Чтобъ такіе-то башмаки были готовы». — «Слушаемъ!» Иванъ-царевичъ легъ спать; поутру просыпается; — башмаки на столѣ стоятъ, какъ жаръ горять. Идетъ онъ будить хозяина: «хозяинъ! Вставать пора». — «Что, али за мной пришли? Давай скорѣе боченокъ съ виномъ! вотъ и круж-

ка — наливай; пусть ужъ пьянаго вѣшаютъ!» — «Да башмаки-то готовы!» — «Какъ готовы? Гдѣ они?» Побѣжалъ хозяинъ, глянулъ: «ахъ, когда-жъ это мы съ тобой дѣлали?» — «Да ночью; неужто, хозяинъ, не помнишь, какъ мы кроили да шили?» — «Совсѣмъ заспалъ, братъ; чуть-чуть помню!» Взялъ онъ башмаки, пестрымъ бумажнымъ платочкомъ обернулъ, бѣжить во дворецъ. Елена-Прекрасная увидала башмаки и догадалась: «вѣрно, это Ивану-царевичу дѣлаютъ». — «Какъ это ты сдѣлалъ?» спрашиваетъ она у башмачника. «Да я», говоритъ, «все умѣю дѣлать!» — «Коли такъ, сдѣлай же мнѣ платье подвѣчное, чтобы было оно золотомъ вышито, жемчугами да камнями усажено. Да чтобы утромъ было готово, а не то — голову долой!» Идетъ башмачникъ опять пасмурный; а други давно его въ погребѣ ждутъ: «ну что?» — «Да что», говоритъ, «одно окаянство! Вотъ проявилась переводчица роду христіанскаго! Велѣла къ завтраму платье сшить съ золотомъ, съ камнями. А я — какой портной! Ужъ вѣрно завтра съ меня голову снимутъ». — «Э, братъ! Утро вечера мудренѣе; давай-погуляемъ. Съели; пьютъ-гуляютъ. Башмачникъ опять напился, опять притащилъ домой цѣлый боченокъ вина и рассказалъ Ивану-царевичу, что ему заказано; да и говоритъ: «эдакого платья мнѣ и въ жизнь не сдѣлать». Хозяинъ легъ спать, захрапѣлъ; а Иванъ-царевичъ свистнулъ въ дудочку — явились хромой да кривой. — «Чтобы къ завтраму платье было готово — точно такое, какъ Елена-Прекрасная у Вихря носила». — Чѣмъ свѣтъ проснулся Иванъ-царевичъ, будить хозяина; тотъ испугался: «что, аль за

мною пришли? Давай поскорѣй вина!» — «Да вѣдь платье готово...» — «Ой-ли! когда-жъ мы сшить успѣли?» — «Да ночью, развѣ не помнишь?» — «Ахъ братъ, чуть-чуть припоминаю; какъ во снѣ вижу». Взялъ башмачникъ платье, бѣжить во дворецъ. Какъ взглянула Елена-Прекрасная на платье, такъ и говорить башмачнику: «это платье вѣрно ты не самъ дѣлалъ? Говори по правдѣ». — Почесалъ башмачникъ за ухомъ, говоритъ: «да, коли по правдѣ-то, такъ точно что не самъ — подмастерье молодой все у меня для вашей милости дѣлаетъ». — «Поди, приведи мнѣ его поскорѣе». Какъ привелъ башмачникъ Ивана-царевича, такъ Елена-Прекрасная тотчасъ и узнала въ немъ своего избавителя, взяла его за руку и привела къ царю, сказываетъ: «вотъ нашъ избавитель, царь-батюшка, вотъ мой суженый — за него только и замужъ пойду, не хочу быть женою обманщика». Царь хотѣлъ было старшихъ сыновей за неправду жестокой казни предать, да Иванъ-царевичъ упросилъ, и имъ вышло прощенье.

И начался тутъ пиръ горой: Иванъ-царевичъ на Еленѣ-Прекрасной женился. Весь народъ лиговалъ, веселился... И башмачникъ опять къ друзьямъ въ погребокъ завернулъ — и не съ горя, такъ съ большого веселья — опять черезъ край хлебнулъ...

МОРОЗКО

Была у мачихи падчерица, да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: «умница!» а падчерица, какъ ни угождаетъ, ничѣмъ не угодить:—все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото; въ хорошихъ рукахъ она-бы—какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачихи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумить да затихнетъ, а сварливая баба расхочется—не скоро уймешь: все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачиха падчерицу со двора согнать. «Вези, вези ее старикъ, куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши о ней не слышали; да не вози къ роднымъ въ теплую хату, а—во чисто-поле, на трескунъ-морозъ!» Старикъ затужилъ, заплакалъ; однако посадилъ дочку въ сани; хотѣлъ было попонкой прикрыть, и то побоялся; и повезъ онъ бездомную во чисто-поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе—домой, чтобъ глаза не видали дочериной смерти.

Осталась бѣдненькая на опушкѣ лѣса, присѣла подъ ель, трясется и тихонько молитву творить. Вдругъ слы-

